

В «Цветах от победителей» Александру (справа) сниматься было весело

Носику разбойники роднее принцев

Мария Смурова *Россия - 2002. - 17 янв. - с. 21*

Александр Носик, сын известного актера Малого театра, к сожалению, уже ушедшего от нас Валерия Носика, только обретает популярность. Зрителям он известен по небольшим, но особенно запоминающимся ролям в так называемых «милиейских» сериалах «Маросейка, 12», «Каменская», «Марш Турецкого».

В известном актерском агентстве искали актера – «молодого и скуластого». После нескольких альбомов с фотографиями ассистент режиссера выдохнула: «О! Вот этот!» Прочла подпись: «Александр Носик». Сотрудница агентства указала на сидящего в комнате молодого человека: «Так вот же он!» Ассистент недоверчиво оглядела человека с запущенной щетиной и сказала: «По-моему, вам нужно поменять фотографию». Человек ответил: «Пока мне проще побриться!»

В киношной среде его знают и как начинающего ведущего различных фестивальных и концертных программ.

Правда, актером Александр становиться вовсе не собирался...

– В юности хотел заниматься экономикой. После армии поступал в Плехановский. Начало 90-х – свобода. А свобода – это в том числе и собственное дело. Мы с друзьями мечтали открыть молодежное кафе. Нам бы это, возможно, удалось, если бы не один из испуганных пап, который сказал: «Ребята, вы хотите проблем?...»

– И тогда вы подумали: раз с бизнесом не получилось, пойду-ка я в актеры?

– Нет. Я все-таки поступил на подготовительное отделение рабфака Плехановского. Но к весне отец подбил меня пройти туры в театральный. Просто попробовать свои силы и в этом направлении. Подумал – в театральный училище не пройду, а в институт поступлю обязательно. Но получилось все наоборот.

– Видимо, взросление в актерской среде диктует только такой выбор?

– И да, и нет. В детстве я снимался вместе с родителями. Моя мама – актриса Малого театра Мария Стерникова. И в театре как актерский ребенок я участвовал в спектаклях... Правда, уже тогда семейный совет решил, что лучше мне в актеры не идти. И я с этим согласился. Но все решил случай...

– В театр «Вишневый сад» вы попали сразу после окончания училища?

– Александр Михайлович Вилькин, руководитель театра, преподаватель

Щукинского училища, предложил мне работать в театре. Я с удовольствием согласился. Мы тогда уже репетировали сказку... Кстати, сейчас тоже готовим сказку, но уже другую.

– Кого играете вы?

– Принца. В театре специализируюсь по **принцам**, а в кино – по маньякам, разбойникам и убийцам.

– Вы не боитесь, что эти амплуа закрепятся за вами надолго?

– Принца – да, а разбойника – не боюсь. Это очень интересно. Даже режиссеры иногда увлекаются больше отрицательной стороной.

– Как за маленький период времени дать понять зрителю, что вы вкладываете в свою роль?

– По-моему, главное – не переигрывать. Нельзя увлекаться собой в кадре, а нужно работать в команде – с режиссером, с партнерами. При этом надо стараться отстоять свой микроспектакль. Нынешнее кино увлекается больше отрицательной стороной. Игорь Апасян в «Гене смерти» («Маросейка») долго думал, каким должен быть маньяк. Пришли к выводу, что необходимо найти голосовую тональность, и все получилось. А вот Михаил Осипович Туманишвили в «Марше Турецкого» позволил мне «оторваться» в последней сцене, сделать так, как я мог только попробовать репетировать дома для себя. В итоге финальная сцена, в тюрьме, с Сашей Домогоаровым получилась и стала для меня самой любимой и запоминающейся.

– Вам нравится играть большое чувство? Любовь, например?

– Если есть материал и актриса симпатичная... Шучу. Найдены какие-то связи с партнершей – это очень здорово, а если таких связей нет, то, каким бы опытным актером ты ни был, все равно на площадке волей-неволей будешь зажиматься.

Интересно, когда все построено на мелочах. Наверное, можно играть просто любовь так: восторженный взгляд, сопение, слюна на губах... А если любовь складывается из мелочей и случайных взглядов, легких прикосновений, из несостоявшихся ссор – здесь уже есть от чего оттолкнуться. Вроде бы все правильно, но чего-то не хватает: не так посмотрел, не то сказал, не в тот момент...

– А игра в легкие прикосновения личной жизни мешают?

– Любая профессия влияет на человека. Но это не значит, что я и в жизни играю. Играть вне сцены – просто смешно. Но мне интересно профессионально копаться в себе, в психологии других людей. Постоянно идет второй поток сознания – наблюдаю, анализирую, проигрываю про себя.

– Служба в армии – это для вас потерянное время?

– Я не хотел в армию, но посчитал нужным пойти. Армия, как и война, усиливает доминирующие в тебе качества. В любой войне обязательно есть и будут гниды и герои. Если в тебе есть что-нибудь человеческое, ты будешь идти вперед. А если больше гнидского – будешь опускаться.

– Вы бы хотели сняться в фильме о войне?

– Да, очень. Мне бы хотелось смоделировать эту ситуацию для себя. Попытаться ощутить все на своей шкуре и донести до сознания людей чувства и мысли солдата...

– Как бы вы определили свой характер – достоинства и недостатки?

– Нет белого, нет черного, есть только серое. То, что сейчас хорошо, через пятнадцать минут уже плохо. Не нравится в себе многое – лень, несобранность, мнительность, излишняя эмоциональность... А что особенно ценю – это любовь к жизни. Несмотря на то что я пессимист. Нравится, что самое плохое настроение может быть исправлено одной улыбкой, ярким хорошим солнышком.